

Воспоминания о Н.С. Снигиревской

Недавно, 6 декабря 2015 года, не стало моей родной сестры Наташи, с которой меня связывали не только тесные кровные узы, но и долгие годы совместной жизни. С ее уходом в моей жизни началась новая эпоха – жизнь без Наташи. Это невозможно себе представить! В наших отношениях были разные периоды: и дружбы, и любви, и взаимного раздражения, и снова дружбы. Но мысли о ней и беспокойство о ее состоянии не оставляли меня никогда. Особенно неразлучны мы были последние полгода, когда из-за болей в спине она переезжала из одной больницы в другую, надеясь облегчить свое состояние операцией. Но из-за ее возраста и сердечной недостаточности врачи не решались ее оперировать. Уже в течение нескольких лет она страдала от болей в позвоночнике и суставах, которые частично были наследственными, частично приобретенными в результате больших физических нагрузок в экспедициях и на даче (домик в деревне). Она не умела беречь себя, забывая о своем возрасте. Она и не чувствовала себя, да и не выглядела 80-летней женщиной (на свой возраст), несмотря на болезни. Умерла Наташа от сердечной недостаточности после тяжелой болезни (пневмония и инфаркт), находясь на реабилитации в пансионате РАН под Санкт-Петербургом.

Сейчас я осталась единственным человеком, кто может помнить Наташу в детстве, отрочестве и юности. Вернее, из ее детства я помню пре-

имущественно рассказы мамы и бабушек, так как между нами 7 лет разницы. Поэтому свои воспоминания о ней я в основном посвящу ее отроческим и юношеским годам.

Наташа родилась 9 августа 1932 года в Уфе. Мама Екатерина Михайловна Снигиревская (1906–1984), урожденная Вакуленко, закончила географический факультет Ленинградского университета по специальности зоогеография и потом занималась изучением экологии и биологии мышевидных грызунов. Папа Сергей Иванович Снигиревский (1896–1955) был орнитологом и энтомологом. Наши родители отказались от карьеры в академических институтах и предпочли работать в природе, а именно в заповедниках и экспедициях в разных районах России. Особенно много путешествовал папа.

Когда выяснилось, что Екатерина Михайловна ждет ребенка, ее родители настояли на том, чтобы она приехала рожать своего первенца к ним в Уфу. Ее отец Михаил Викторович Вакуленко был известным уфимским хирургом, а мать Лидия Николаевна имела большой опыт работы фельдшером-акушером. При родах даже присутствовала мамина няня – Анна Петровна Щербакова. Именно она при случае (когда в будущем Наташа проявляла свой боевой характер) любила вспоминать, что как только Наташа появилась на свет, она вскинула вверх свою правую ручку со сжатым кулачком. Тогда Анна Петровна сказала: «Будет командиром!» И это оправда-

Е.М. Снигиревская (1934)

С.И. Снигиревский (1935)

Наташа в возрасте одного года (Уфа, 1933)

лось! Когда Наташе исполнилось 8 месяцев, вся семья, включая бабушку, поехала из Уфы в Алма-Ату, куда папа и мама направлялись на работу. Они сняли дом в городе, а сами поднялись на Заилийский Алатау, где жили в палатках и собирали материал. Лето в тот год выдалось необыкновенно жаркое, и в городе началась эпидемия дизентерии. Многие дети умирали. Наташа тоже заболела, и все кончилось бы плохо, если бы родители не увезли ее в горы. Там она быстро по-

правилась и зимой семья вернулась в Ленинград, и папа, показывая маленькую Наташу своим гостям, довольно часто говорил, смущая маму: «Посмотрите, правда роскошный ребенок?»

Работая в заповедниках или в экспедициях, Екатерина Михайловна и Сергей Иванович обычно зиму проводили в Ленинграде, обрабатывая собранные ими материалы в Зоологическом институте и посещая научные библиотеки. Ухаживать за детьми им помогали бабушка и мамина няня Анна Петровна.

Довоенное детство Наташи было счастливым. Ее окружали любящие родители, бабушки (мамины мама и няня), когда они были в Уфе – дедушка, часто в нашей семье жили две двоюродные сестры возраста, близкого к Наташиному, – Таня и Лида. Их отец, дядя Коля, погиб на Севере во время зимовки на острове Врангеля в 1935 году.

Каждое лето девочки уезжали с бабушкой в Башкирский заповедник, где тогда работала мама. Это было красивейшее место с прекрасным климатом, хорошим купаньем, сбором лесных ягод и грибов. В чистых и быстрых речках, текущих с отрогов Южного Урала, ловили раков. Причем совсем маленькая Наташа (ей было лет 6–7) ловила их, подставляя их клешням свой пальчик.

Осенью 1939 года Наташу отдали в Ленинграде в среднюю школу и должны были записать в художественную школу для одаренных детей, в которую она прошла по конкурсу. Но не получилось – она заболела туберкулезом. Затем нача-

Наташа с мамой и дедушкой Михаилом Викторовичем Вакуленко (Уфа, 1935)

Наташа (справа) со своими двоюродными сестрами Таней и Лидой (Ленинград, 1937)

лась финская война, а потом родилась я, младшая дочь Катя. У нас до сих пор сохранилась записка от Наташи в роддом, написанная детским почерком маме и Кити. Так я стала в нашей семье еще одной Катей. Зима 1940-го года сопровождалась жестокими морозами, лопнувшими трубами, так что все силы семьи были направлены на обеспечение детей теплом и хоть какой-то едой.

А дальше все планы на хорошее образование и воспитание детей лопнули из-за начавшейся Великой Отечественной войны и послевоенной разрухи. Правда, мы все остались живы, так как уехали из Ленинграда до начала войны! Получилось так, что папа и мама получили предложение поехать в Куйбышевский заповедник в мае 1941 года для ознакомления с его научной работой в целях будущего устройства там на работу. Поехали в Жигули всей семьей: папа, мама и бабушка, Наташа и Катя. Взяли с собой только летние вещи и... остались там до окончания войны! Папу назначили заместителем директора заповедника, маму взяли старшим научным сотрудником, бабушка стала заведовать медпунктом. Так мы были спасены Провидением от самых страшных испытаний: блокады и оккупации. В 1942 году к нам подъехали дедушка и няня. Как и для всей страны, для

нашей семьи это были очень трудные годы. Особенно тяжелым был голодный 1943 год, когда и папа, и мама временно лишились не только работы, но и огорода, который нам выдали, как сотрудникам заповедника, и который спасал нас от голода в 1942 году. Когда нечего было есть, мы (и взрослые, и дети) спасались тем, что жевали «серу», затвердевшую сосновую смолу.

Однако детям, особенно Наташе, тогда было вполне хорошо. Так как старшее поколение было занято работой, заботами о хозяйстве (домашние животные, огород) и маленьком ребенке (обо мне), Наташе была предоставлена полная свобода. Она прожила

в Жигулях с 9 до 14 лет. Зимой она училась в местной школе, где в одном помещении занималось 2 разных по возрасту класса. Наташа блистала там своими знаниями (с нами обеими занималась наша бабушка, которая в прошлом была также и школьной учительницей) и была в этой школе лучшей ученицей. Летом мама привлекала ее (а позже и меня) к своим исследованиям. Наташа вместе со студентами Куйбышевского педагогического института, которые проходили летнюю практику у мамы, приобщалась к полевой работе

Наташа с родной сестрой Катей (Жигули, 1944)

и даже к обсуждению полученных результатов. Для нее это была хорошая подготовка к будущим занятиям наукой. Остальное время у нее было насыщено интереснейшими отроческими забавами: купаньем в Волге, походами в горы за ягодами, возней с молодымком мелких диких животных (ежами, зайцами, лисенком, хорьком), которых в изобилии несли в нашу семью местные жители и особенно мальчишки.

Наташа поражала взрослых своей энергией, заразительным смехом и смелостью. Вместе с местными мальчишками она переплывала Волгу (до острова, располагавшегося посередине реки), ныряла в реку с барж и плотов, гоняла галопом на небольшой местной лошадке Монгол.

А одно ее очень сильное увлечение буквально спасло нашу семью, да и некоторых соседей, от голода. Началось это увлечение с 11 лет (и продолжалось всю жизнь) и представляло собой рыбную ловлю! Местные рыбаки будили ее в 4–5 часов утра. Наташа собирала свои вещи (ведро, удочки, черви, подкормка) и почти в полной темноте шла на берег Волги, где у нее были собственные мостки (хорошее место для мостков надо было заслужить!) и часов до 7–8 она рыбачила. Домой она приходила усталая, но довольная, с ведром рыбы и падала на кровать досыпать! Насколько я помню, она ловила окуней, в изобилии чехонь, когда та шла на нерест, иногда попадалась крупная рыба – голавль и лещ. Одинадцать лет Наташе исполнилось в 1943-м, то есть в самом голодном, году. Местные жители долго вспоминали Наташу с благодарностью за подаренную им рыбу.

Чтобы перевести Наташу в 7 класс Ленинградской школы, родителям пришлось побороться с ее нежеланием бросать свою привычную вольную жизнь и переезжать в город. Однако в 7 класс Наташа уже пошла в Ленинградскую школу №89, расположенную недалеко от нашего дома на Петроградской стороне. Сначала было трудно (после сельской школы), особенно с математикой. Но потом, после занятий с папой, все пошло хорошо. Тогда обучение было раздельным. У Наташи появились подруги. Я помню одну из них, широколицую улыбающуюся девочку с толстыми косичками – Нину Ошкадерову, которая потом стала довольно известной поэтессой Королёвой.

Начиная с 8 класса, Наташа с девочками ходила на танцы в Мраморный зал Василеостровского Дворца культуры. У них уже создалась своя компания ярких, живых молодых людей и девушек, которые продолжали дружить и после окончания школы. Все Наташины друзья (в разные периоды жизни) часто бывали у нас дома.

Наташа в студенческие годы (1953)

Школу она закончила в 1950 году, а я поступила в эту же школу в 1947 году в 3 класс. Я страшно гордилась своей красавицей сестрой, когда мы с моими одноклассницами сталкивались с ней в коридорах школы, и мне было приятно, когда она с ними разговаривала и шутила.

В том, куда поступать после 10 класса, сомнений у Наташи не было. Конечно, на биофак Университета. А вот в Университете Наташа выбирала кафедру довольно долго, пробуя и «Физиологию ВНД» и «Зоологию позвоночных животных». Остановилась на Кафедре ботаники во избежание острых опытов на животных. В Университете у нее появились новые друзья, масса поклонников, она активно занималась спортом: зимой коньки и лыжи, летом – плавание. На втором курсе она заняла по плаванию первое место по городу. А позже, после окончания университета Наташа была одной из активных участниц подводных соревнований, в результате которых завоевала второе место по подводному ориентированию. Позже она стала заниматься любительским спортом.

На кафедре ботаники у Наташи сложились прекрасные отношения и со студентами, и с преподавателями. Одной из ее любимых преподавательниц была Ольга Алексеевна Муравьева, по воле рока умершая там же, где окончилась и Наташина жизнь – в пансионате ветеранов науки РАН в Пушкине.

А самым уважаемым и любимым ее преподавателем и большим другом всей нашей семьи

На лыжной прогулке (1965)

стал Армен Леонович Тахтаджян, который перевелся в Ленинградский университет из Еревана. К его 100-летию, до которого он не дожил всего полгода, Наташа написала статью, посвященную его жизни и творчеству, наполненную интересными фактами и именами. Большими друзьями всей нашей семьи были и жена Армена Леоновича Алиса Григорьевна Давтян и их дети Сурен и Лена. В обществе Армена Леоновича Наташа познакомилась с крупнейшими русскими учеными: Малиновским, Яценко-Хмелевским, Тимофеевым-Ресовским и другими.

Университет Наташа закончила в 1955 году, защитив блестяще дипломную работу, посвященную биологии и анатомии лотоса. Все иллюстрации Наташа выполнила сама. Не зря она когда-то была признана особо одаренным ребенком. (Она неплохо написала и несколько портретов своих друзей.) Впоследствии в БИНе, куда она получила распределение, ей предложили защищать работу по лотосу как кандидатскую. Но она не согласилась, изменив направление своей работы с современными растениями на палеобо-

танические исследования, которыми и занималась до конца своей яркой жизни.

В 1960 году Наташа вышла замуж за аспиранта Кафедры генетики Ленинградского университета Андреаса Мюллера (гражданина ГДР). Наша мама так была напугана предстоящим отъездом Наташи в Германию (ведь с окончания войны с Германией прошло всего 15 лет!), что на нервной почве заболела. Наташа вынуждена была заняться маминым здоровьем, поскольку подозревали онкологию. К счастью, это не подтвердилось. Наташа и мама думали, что Андреас останется здесь, но это оказалось невозможным. Он был обязан после аспирантуры вернуться в свою страну и работать в Йене в Институте культурных растений. То, что Наташа не смогла бы работать в Германии по своей специальности, несколько облегчило ее выбор. Она решила остаться здесь! Это было для нее совсем не легко.

5 февраля 1967 года у Наташи родился сын – Сергей. Крестили его в доме его крестной Ангелины Борисовны Шишкиной. Его отец Леонид Васильевич Ахрем был геоботаником, много работал в таежных лесах Сибири. Когда у Наташи кончился декретный отпуск, мама оставила свою любимую работу в Зоологическом институте, где последние 4 года работала на общественных началах с огромным энтузиазмом, и стала помогать Наташе воспитывать Сережу. Сережа рос очень славным, умным и добрым мальчиком и очень скрасил жизнь нашего женского царства. Сережа был уже третьим поколением, воспитанным Ньюней (маминой няней). Дожила она до 100 лет!

Большим испытанием для Наташи было участие в подготовке 12 Международного ботанического конгресса 1975 года, которая началась года за 4 до его начала. Основная нагрузка пала именно на Наташу, так как она была назначена ученым секретарем Конгресса. Но и с этой задачей она справилась блестяще, хотя это стоило ей здоровья и нервов. У Наташи была особенность – большую часть общественных и научных дел брать на себя, а не распределять их между членами Оргкомитета. Годы подготовки к Конгрессу помешали ее полноценному общению с сыном с его 5 до 8 лет, когда ребенок особенно нуждается во внимании родителей.

Для Наташи, человека достаточно честолюбивого, было характерно полное отсутствие карьеризма и меркантильности. Как уже было сказано, она отказалась от защиты своей дипломной работы в качестве кандидатской диссертации, что позволило бы ей потом быстро защитить докторскую. На защиту докторской ей жалко было тратить время, она не рвалась вступать в коммунистическую партию и не делала всего того, что

Радостная встреча Сережи с мамой на даче в Мельничном Ручье после окончания конгресса (1975)

Можно сказать, что в жизни Наташи было два приоритета: сын и наука. И за них она готова была отдать жизнь. Однако то, что хорошо для науки (упорство, одержимость, принципиальность, честолюбие, бескомпромиссность), не всегда помогает в человеческих отношениях, в том числе с собственными детьми. Это неизбежно приводит к противостоянию и одиночеству. Наташино счастье было в единении с наукой, которая, в свою очередь, сближала ее с сыном, так как он тоже работает в области палео-

могло бы помочь повысить ее положение в Институте, обеспечить ей поездки за границу и т.д. Все же, после 1991 года ей удалось съездить за рубеж несколько раз по приглашению ее коллег. Во время Конгресса ее научные связи стали еще шире, чем прежде. Кроме того, среди и иностранных, и русских коллег появилось много новых друзей.

ботаники. Наташа мечтала, чтобы и внучки Катя и Даша тоже посвятили свою жизнь науке. Ей хотелось, чтобы девочки поступили на биофак Санкт-Петербургского университета, чтобы продолжить династию биологов Снегиревских. Но они видят себя в других областях человеческих знаний.

Е.С. Снегиревская

С незабвенной Н.С. Снегиревской я познакомился больше тридцати лет назад. Во время первой своей научной командировки в Ленинград. Мой покойный учитель С.В. Мейен посоветовал мне зайти в БИН и представиться Н.С. Что я и сделал. С тех пор мы не раз встречались во время моих приездов в «северную столицу», временами переписывались. Последние годы наши контакты стали более регулярными – возник приостановленный пока проект издания ранее не публиковавшихся теоретических работ А.Н. Криштофовича (1885–1953). Возник, собственно, у Н.С. А поводом послужило мое сообщение о намерении переиздать под одной обложкой основные эволюционные и флорогенетические работы А.Н.

Н.С., несмотря на проблемы со здоровьем, проявила свойственную ей недюжинную энергию и организационную хватку, о чем красноречиво свидетельствуют следующие фрагменты из ее писем.

«Дорогой Игорь, <...> Вы, как опытный издатель, можете опубликовать то, что действительно важно из жизни такого выдающегося человека, как Африкан Николаевич. Криштофовичские чтения у нас будут в 2016 году. Они обычно идут в русле заседаний типа межведомственного комитета, когда каждый старается показать себя. <...> Однако следующие поколения должны понимать значение такого босса в науке, каким был АНК. У меня – беда с позвоночником, на днях обнаружился компрессионный перелом одного из позвонков <...>».

Очень прошу Вас, сообщить мне о Ваших намерениях, так как прежде, чем ложиться в клинику, я хотела бы знать о Ваших с Юлей¹ планах в отношении АНК» (письмо от 23.03.15).

¹ Речь идет о Юлии Владимировне Мосейчик, палеоботанике из ГИНа РАН и моей соратнице по издательским вопросам.

«Дорогой Игорь, так как я собираюсь перейти в роль человека, находящегося вне штата, а на общественных началах доделать то, что удастся частично устроить другим ученым, то мой вопрос моей занятости не может быть решен без Вашего и Юлиного ответа. Дело в том, что я попала в неудачную ситуацию в микроавтобусе и не смогу добраться до БИНа. Как Вы знаете, я очень надеялась на Вас и Юлю, так как мне нравятся Ваши комментарии к разным ученым. Мне казалось, что именно вы – вдвоем сможете достойным образом осветить деятельность Африкана Николаевича. Я позаботилась о том, что в случае необходимости архивы Африкана Николаевича могут быть размещены в моей (выделенной мне лично) комнате 201 в новом административном корпусе БИН. Я послала Вам необходимые координаты сына и близких АН. Мне казалось, что Ваш визит в БИН решит многие организационные вопросы. <...> Дело в том, что я не имею права уходить от проблемы целиком в силу моих связей в прошлом с АН и Верой Михайловной², а ныне – с Каем³ и его близкими – сыном и племянницей. <...>

В БИНЕ я попросила зав. архива оказать вам содействие и в качестве связующего сотрудника посоветовала Светлану Попову, очень активную и умненькую девочку, которая с удовольствием помогла бы Вам и Юле» (письмо от 13.05.2015).

«Дорогой Игорь, еще раз сочувствую Вашей потере⁴. Я до сих пор страдаю от того, что мои родители ушли из моей жизни. Накапливается с возрастом ощущение вины, но это – результат переоценки событий на протяжении длительного времени.

Я много размышляла о наших общих делах и пришла к выводу, что нужно строго разграничить наш БИНовский архив (пусть новая команда делает все, что нужно, принаровляясь к круглой дате) и то, что имеется у Кая. Именно с ним и имеющимися в Вашем с Юлей распоряжении документами следует работать.

Обилие проблем вполне достаточно, а также фото, выписки и старые издания, все это будет вам обоим очень интересно изучить. В связи с этим я решила дать совет Каю ничего и никому, кроме вас, не давать. Я знаю, на что способны наши издатели журнала по палеоботанике. Мелкотравчатость и личные интересы – это осо-

бенность людей, занимающихся изданием в области палеоботаники» (письмо от 19.05.2015).

Встречая тернии на своем пути, сталкиваясь со смертью соратников и близких людей, Н.С. умела мужественно переносить удары судьбы, которая в соответствии с римской поговоркой, влекла ее, но не тащила, как жалкого труса:

«Дорогие Игорь и Юля, вот и завершилось наше содружество с Каем Африкановичем. Сегодня он скончался в Покровской больнице. Сердце остановилось. Мне тяжело воспринимать это событие, так как с именем его папы было связано многое в моей жизни. Мне грустно его терять. Но, видимо, что-то было плохо с погодой. Я, надо сказать, просто металась от сердечной недостаточности и считала, что конец произойдет именно сегодня. Как-то получилось так, что совпали события, связанные с моим предстоящим отчислением с работы (с 26 июля) и падением в автобусе. Я очень сдала за это короткое время.

Утрата Кая не пройдет бесследно, хотя все это – неизбежно» (письмо от 11.06.2015).

* * *

Многое о женщине может сказать круг мужчин, ее любивших и добивавшихся особого ее расположения. Особенно, мужчин выдающихся. Таким человеком был, несомненно, мой учитель С.В. Мейен (1935–1987). Его отношение к Н.С., которое иногда характеризуют как теплое и дружеское, явно не покрывается значением этих слов. Судя по сохранившейся переписке, в молодости С.В. был одно время безоглядно влюблен в Н.С., пережив бурный роман. Не случайно до конца жизни в письмах он с нежностью обращался к Н.С. «Наташенька», а подписывался «твой Сергей», что в его привычках означало только одно – высокую степень близости. С.В. был воспитанный, корректный человек, и любые намеки на несуществующую близость и амикшонство были ему противны. На протяжении жизни классика подобного обращения с его стороны удаивались лишь немногие властительницы его сердца.

Очевидно, что привлекали великого учителя не одна внешность и обаяние, но и внутренние достоинства Н.С. Иначе не стал бы он обсуждать в письмах к ней вопросы высокой теории. Интеллектуал высшей пробы, член «невидимого колледжа», С.В. учил, что такие глубины нельзя обсуждать всуе, с людьми заурядными, как он выражался, «метать бисер перед свиньями». А в случае с Н.С. делал он это в самой лестной для ее интеллектуальных дарований манере, соблюдая необходимую толику толерантности в отноше-

² В.М. Криштофович – супруга А.Н. Криштофовича.

³ Кай Африканович Криштофович – сын А.Н. Криштофовича.

⁴ Речь идет о кончине моего отца, случившейся накануне.

нии учителя Н.С. – акад. А.Л. Тахтаджяна. Армена Леоновича Сергей Викторович уважал, поскольку, как он объяснял, тот знал все 160 или больше семейств покрытосеменных. Но к теориям его относился критически, чего в своем кругу не скрывал, считал скучным синтетистом⁵. Довольно близко зная учителя, рискнул предположить, что, направляя подобные послания, он, не в последнюю очередь, стремился очаровать адресата блеском и глубиной своего ума, либеральным свободомыслием. А заодно оттенить на ретроградном фоне А.Л. свои интеллектуальные и моральные преимущества. Вот одно из таких писем с некоторыми сокращениями:

«Дорогая Наташенька!

Твое письмо от 24.4 очень меня порадовало, особенно касательно А.Л. Очень редко встречаешь людей, которые четко разделяют свое отношение к людям и к концепциям, исходящим от них. Сплошь и рядом сталкиваешься как раз с противоположными вещами. <...> Несколько слов о теломной теории, хотя это и не тема для письма. Теломная теория была и остается удобным инструментом в объединении многочисленных фактов, но у нее есть много существенных изъянов, которые не позволяют считать ее достаточно исчерпывающей. Эта теория родилась под влиянием сравнительной морфологии животных и впитала многие принципы последней, роль которых в растительном мире очень ограничена. Хороший пример – понятие гомологии. В животном мире гораздо строже канализованность онтогенеза и органов, и организмов. Поэтому гомологии устанавливаются относительно легко. Мы видим филогенетическое преобразование органов, например, конечностей и легко гомологизируем плавники с конечностями. Очень помогают и онтогенетические данные. У растений в силу длительного существования меристем с их высокой тотипотентностью клеток все получается не так сплошь и рядом. Онтогенетические каналы (т.е. креоды в смысле Уоддингтона) легко сменяют друг друга, и это резко усложняет гомологизацию, а потому и филогению, как общую, так и частную, особенно семофилогенез. Например, много обсуждалась гомологизация частей в фертильном комплексе кордаитов и хвойных, вопрос о том, являются ли стерильные чешуи в мегастробиле кордаитов результатом стерилизации или нет. Но почти не обсуждался вопрос о том, что образование чешуи или семезачатка – лишь смена одного креода на другой, а не длительный процесс эво-

*люционного преобразования. Различные топографические типы, например, положение спорангиев в «колоске» (как у *Zosterophyllum*) или дисперсно (как у *Gosslingia*), теломная теория рассматривает как преобразования, хотя данных для этого нет никаких, а те, что есть, скорее свидетельствуют, что эти два типа – альтернативные состояния, бывшие таковыми с самого начала. Стеббинс еще в 1950 году подробно обосновал обратимость модусов Циммермана, но, к сожалению, не сделал исчерпывающих дедукций. Анализируя эволюцию спорангиев, Циммерман делал упор на их защиту. Отсюда его инкурвация и т.д. Но у современных цветковых микроспорангии, вне зависимости от способа опыления, открытые и не обнаруживают тенденции спрятаться. Теломная теория все рассматривает с точки зрения адаптаций, причем все объяснения примитивны, а главное спекулятивны, хотя Дарвин еще в середине прошлого века понял, что одними адаптациями всего не объяснишь, и придавал большое значение архетипам. Последним не нашлось места в теломной теории. Главная причина здесь – игнорирование канализованности филогенеза и совмещение данных по морфогенезу и морфогенезу. В последнем отношении также все оставалось на уровне Северцова, хотя опять же соотношение морфогенеза и морфогенеза у растений в силу существования меристем принципиально иное, чем у животных. Я уже не говорю о том, что теломная теория не укладывается в общую теорию изомерии, а отсюда ее недостаточность с точки зрения принципов сохранения, теории информации и т.д. Но это уже слишком высокие материи для письма. И еще одно важное обстоятельство. Теломный подход предельно монистичен, хотя, как показал именно Любищев, монистические концепции эволюции едва ли могут отражать положение вещей. Конечно, благодаря теломной теории мы много поняли, многие ее понятия и термины не потеряли своего значения и сейчас. Я не собираюсь отвергать всю эту теорию, просто она недостаточна, а во многих отношениях – наивна.*

Я не знал, что А.Л. – один из друзей Любищева. Но мне все же обидно за Любищева. Я знаю многих его друзей, которые все о нем высказываются очень хорошо, но в своих работах просто игнорируют соображения Любищева. В статье 1963 года, опубликованной в «Evolution», Любищев написал многое из того, что прямо противоречит положениям А.Л. в общей части его желтой книги 1966 года. И список литературы А.Л. упоминает лишь одну, причем мало-значущую работу Любищева того же 1963 года.

⁵ Последователем так называемой синтетической теории эволюции.

В этой главе А.Л. учтены работы других людей 1964 и 1965 годов. Не думаю, чтобы А.Л. не знал статьи в «Evolution». Точно такую же картину видишь и при просмотре других работ синтетиков. Все относится к Любичеву с глубоким уважением, но окружили его имя каким-то заговором молчания. Я не сомневаюсь, что это не от уверенности в собственных силах. Логика Любичева убийственна, и вступать с ним в спор все боятся. Поэтому все делают вид, что Любичева нет. Я не виню всех этих людей, ибо, если принять соображения Любичева в счет, придется все переделывать, думать иначе и т.д. <...>

Твой Сергей».

Таким или похожим образом женщины, даже сами того не сознавая, могут влиять на творчество влюбленных в них выдающихся мужчин, что позволяет говорить об их пусть косвенном, но от того не менее важном вкладе в развитие теломной или иной влиятельной теории. С.В. Мейен не даром сравнивал себя в этом отношении с великим И.В. Гёте. Последняя пассия 74-летнего творца «Фауста» – 16-летняя Ульрика фон Леветцов – несомненно внесла подобную лепту в позднюю любовную лирику Гёте и, быть может, как знать, – в окончание «Годов странствий Вильгельма Майстера» и других шедевров немецкого романтизма! Хотя, к досаде его друзей, и отвлекала поэта от важных геологических изысканий в окрестностях Мариенбада.

* * *

Будучи обаятельной женщиной, Н.С. унаследовала твердость характера своей матери, к которой, по всей видимости, была внутренне глубоко привязана. Причем у нее эта твердость частенько выливалась в форму совсем не женственной боевитости. И как всякий боец, она больше интересовалась делом, за которое боролась, и своими противниками, нежели близкими, соратниками и друзьями. Это распространялось даже на ее единственного сына Сергея, которого она любила безмерно и плотно опекала даже в те годы, когда вчерашние мальчики становятся мужчинами.

Помнится, приехав однажды в Ленинград и зайдя, как обычно, в БИН проведать Н.С., я встретил ее во дворе Ботанического сада. Она была в черной, искрящейся инеем шубе, что делало ее несколько похожей на пантеру. «Спешу, – пояснила она с улыбкой, – сегодня улетаю к сыну, в воинскую часть, на Дальний Восток». «А что, есть проблемы?» – осторожно спросил я, поскольку «дедовщина» в дальних гарнизонах была у всех на слуху. «Были, сейчас нет, я уже всех их

на место поставила! Сейчас лечу в профилактических целях, чтоб не забывались!» Движения ее были мягки и грациозны, как у тигрицы, но больше всего поражала ее уверенная в себе сила и боевой настрой. Невольно вспомнил я тут свою мать, летевшую к моему младшему брату в забытую Богом воинскую часть, охранявшую военный аэродром в песках под Красноводском. Ее подавленное настроение, мешки под глазами, покрасневшие от слез глаза... И еще раз про себя подивился силе и выдержке Н.С.

Не случайно ей было свойственно высочайшее самоуважение и серьезное отношение к себе. «Я привыкла называть себя по имени и отчеству, машинально подписываюсь так под всеми моими письмами», – как-то поделилась Н.С.

Человек сильный и уверенный в себе, Н.С. частенько открыто называла вещи своими именами, причем невзирая на лица. Могла надавить, поговорить очень жестко. Но справедливо и неизменно в интересах дела. Дело всегда стояло у нее на первом месте и если личное, «приватное» входило в противоречие с «делом», «общественным», она обычно предпочитала «дело».

Узнав об отрицательной рецензии на только что вышедший учебник палеоботаники⁶, она на свой лад посочувствовала его авторам, своим хорошим знакомым: «бедные, глупые девочки». И тут же великодушно призвала к сдержанности в критических проявлениях:

«Дорогой Игорь, рада Вашему письму. Спасибо за поздравление. Слышала о Вашей рецензии на «Палеоботанику». У меня также есть некоторые замечания, но мой принцип – никогда не писать и тем более не публиковать отрицательных отзывов. Мой опыт показал, что ученые, как и все люди, очень тяжело реагируют даже на указание недостатков в рукописях. В конце концов, авторы несут ответственность за свою работу. Желаю удач и дальнейших успехов. Ваша, Наталия Сергеевна» (письмо от 11.03.2012).

Но, как прирожденный организатор, Н.С. тут же повернула разговор в конструктивное русло, предложив подумать о написании современного учебника палеоботаники, попутно поделившись некоторыми соображениями. Причем досталось неожиданно и моему учителю.

⁶ *Игнатъев И.А., Мосейчик Ю.В.* Рецензия на книгу: Юрина А.Л., Орлова О.А., Ростовцева Ю.И. Палеоботаника. Высшие растения: Уч. пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – 224 с. // *Lethaea rossica. Российский палеоботанический журнал.* – 2011. – Т. 4. – С. 83–93.

«Дорогой Игорь, среди других почтовых материалов нашла Ваш 4-й номер Журнала. Простите, но я иногда очень задерживаюсь с разборкой почты. В данный момент я переезжаю (надеюсь успеть!) в новое здание, которое когда-то называлось “палеоботаническим” корпусом. Но пожар в канцелярии был поводом для его заселения административными кадрами. Палеоботаникам пришлось хуже всех. Наши коллекции, по инициативе заведующего лабораторией, размещены в полуподвальном этаже и уже страдают от наводнений, пока небольших. Я сумела “выплакать” комнату в так называемой мансарде, где сейчас размещаю угольные почки и, если смогу, часть отпечатков и “фитокомпрессий”. Разбирая материалы, я обнаружила названный том! Я согласна с Вашими замечаниями. Мне кажется, что Вы с коллегами могли бы подготовить макет нового учебника, но предварительно апробировать его у специалистов. Например, по решению последнего конгресса, термин “морфотаксон” был исключен из Кодекса. Я приложила к этому руку также. Ведь вся система Карла Линнея и его предшественников основана на морфологическом подходе. Не даром, ботаники используют морфологические ключи для определения. Кроме того, в название Кодекса включены грибы, выделенные в особое царство, но пока являющиеся объектом ботаники.

В соответствии с правилами, нужно говорить и писать “фитохорион”! В своей книге о фитохориях Армен Леонович допустил неточность, которую он потом исправил в более поздних работах.

К CLAMP-анализу у нас весьма негативное отношение. Я даже в свое время на докладе Спайсера вынуждена была покритиковать этот метод, как несостоятельный.

Что касается систематики, то обсуждать ее бессмысленно. Кстати, если Вы будете писать, учтите, что систематика Сережи Мейена и его классификации органов у голосеменных не выдержала даже краткого испытания временем. <...>

Я, как уже писала Вам, считаю, что писать отрицательный отзыв (а Ваш просто разгромил все здание, построенное бедными девочками!), могут люди другого склада, чем я. Мне их жаль, так как некоторая самонадеянность мешает им увидеть себя со стороны. Ваша Наталия Сергеевна» (письмо 19.03.2012).

* * *

Н.С. была человеком преданным, благодарным и верным своим учителям, прежде всего – А.Л. Тахтаджяну, чьей ближайшей помощницей она была долгие годы его директорства в БИНе.

И даже после кончины академика продолжила заботиться о научном наследии, поддерживала отношения с его семьей. Редкое свойство в наш век морального упадка!

Человек с повышенной самооценкой и не лишенный амбиций, Н.С. старалась, в то же время, утверждать себя конкретными делами, а не академическими «играми», связанными с приобретением степеней и званий. Она сознательно отказалась от академической карьеры, предпочтя без лишнего шума заниматься научной и административно-организационной деятельностью.

Как подлинный русский интеллигент, причем не в первом поколении, Н.С. была «просветителем», стремилась широко распространять свои знания и умения. Делилась не только опытом, но и вполне прозаическими расходными материалами. И во всем этом была щедра и неумоима. У меня до сих пор хранятся остатки запаса прозрачной пленки для изготовления пленочных оттисков (пилей), когда-то подаренного Наталией Сергеевной С.В. Мейену. Именно их мы с Ю.В. Мосейчик использовали на практических занятиях по анатомии ископаемых растений, проводившихся на кафедре высших растений биофака МГУ.

И опять, как настоящий русский интеллигент, в сфере научных интересов Н.С. выходила далеко за пределы своей непосредственной специальности. Была ей свойственна и повышенная общественная доминанта, выходящая на глобальный уровень заботы о будущем Земли и выживании всего человечества. Она трепетно следила за новостями, стремилась донести свою тревогу и предложения до властей предрежающих, которые, как водится, ее «не слышали». Не менее тягостным было равнодушное неприятие окружающих. Возникающая отсюда постоянная боль Н.С. выливалась на страницы нашей переписки:

«Дорогой Игорь, сейчас я погружена в две проблемы – полное “закрытие” проблемы Тунгусского “метеорита”. В свое время я писала об эндогенной природе тунгусского взрыва, основываясь исключительно на научной интуиции и анализе логики событий, а также на наблюдениях масштабов и “легкости” соскальзывания лесов с возвышенностей в Тунгусском бассейне во время селей. В течение нескольких последних лет вышли интересные публикации группы геологов во главе с Г.Т. Скубловым (Горный и СПбГУ), посвященные развенчанию этой традиционной и невежественной идеи на основании геохимического анализа материнских и рыхлых пород. Во-вторых, в ближайшее время должна сдать две статьи в “Ботанический журнал”. <...> Желаю удачи, Ваша Наталия Сергеевна» (письмо от 26 марта 2012 г.).

«Дорогой Игорь, решила написать Вам, так как надеюсь на понимание и ваши с братом возможности повлиять на ситуацию. Дело в том, что на протяжении своей жизни я постоянно так или иначе участвовала в некоторых научно-организационных и административных кампаниях, что принесло определенные позитивные результаты. В данный момент меня волнуют вопросы наводнений, которые я связываю как с природными катаклизмами, так и человеческим фактором. Мне кажется, необходимо предпринять усилия для восстановления геологических институтов в рамках как государственной власти, так и в организации программ по оценке антропогенной деятельности, ее увязке с неизбежными геологическими процессами. И принять ряд законов, ограничивающих аппетиты некоторых персон и непрофессиональных подходов к судьбе Планеты и цивилизации в целом. Мне кажется, что наряду с прогрессивной выборкой горючих ископаемых, необходимо подсчитывать не только успехи в увеличении размеров добычи, но главное то, какой ущерб приносит не добыча, а перевыполнение ее планов и бездумное сжигание в воздухе миллионов тонн газа и нефти. Мне кажется, что нужно в денежном выражении подсчитывать те убытки, которые приносит бездумное открытие и сжигание новых месторождений. Было бы важным запретить перевыполнение планов по добыче полезных ископаемых, памятные огни по всей территории страны и излишнее любопытство, которое связано с нарушением земной коры на глубину, не предусмотренную режимом жизни Земли. Люди пилят сук, на котором сидят, не понимая в силу отсутствия должного образования, опасности предпринятых действий и готовясь тратить огромные государственные деньги на всякие глупости, например, освоение неизвестных планет для жилья. Не лучше ли эти средства направить на улучшение жизни на Земле, этом самом удивительном по своей гармонии и целесообразности месте! Потепление Арктики связано в частности с тем, что со дна как Атлантического, так и особенно Ледовитого океанов поступает эндогенное тепло. Ряд работ на эту тему есть в ВГБ. Меня они интересовали в связи с климатом, в условиях которых формировались позднепалеозойские и мезозойские биоты. Даже такая проблема, как “тунгусский метеорит”, должна обсуждаться не космологами и астрономами, а геологами, задачи которых как раз и состоят в изучении жизни Земли. Слава Богу, сейчас проблема “метеорита” закрыта, но в популярных журналах, далеких от науки, а также в СМИ продолжают муссировать тему

именно “метеорита”. Я сама в свое время опубликовала три заметки об эндогенной природе тунгусского взрыва, основанные на опыте работы в Тунгусском бассейне, анализе показаний очевидцев и научной интуиции, которая не подводит тех, кто изучает проблему со всех сторон. Слава Богу, появилась серия замечательных работ Г.Т. Скублова с соавторами, которая положила конец бессмысленным спекуляциям на эту тему. Но опять-таки люди, неспособные разобратся в литературе, сравнивают то или иное явление на Земле с Тунгусским метеоритом. Одним словом, прошу Вас использовать ваши связи и обдумать, как хотя бы замедлить уничтожение Планеты. Наверно, Вы помните гипотезу переброса рек. А ежегодно в скважины с некогда накопленными в течение миллионов лет газом и нефтью ныне загоняют миллионы тонн растворов, состоящих из воды и цемента! Физические и химические параметры растворов противоположны легким фракциям, благодаря которым наша Земля сохраняла свое положение в Космосе. К сожалению, мне уже исполнилось 80 лет, и я не смогу активно участвовать в восстановлении геологии и изменении отношения к ботанике! Растительный мир – это главное завоевание Планеты, так как он дает пищу, синтезируя ее “из ничего” (углекислоты, воды и энергии Солнца), но нередко можно слышать, как невежественные люди используют слово “ботаник” как ругательное. <...> Ваша Наталия Сергеевна» (письмо от 13 августа 2012 г.).

* * *

С течением лет Наталия Сергеевна все больше осознавала хрупкость бытия и неизбежность ухода в мир иной, но не боялась, проявляя мужество и отрешенность почти стоические. И даже посмеивалась над народными приметами близкой смерти.

«Дорогой Игорь, <...>.

Обычно ошибочные высказывания подобного рода в нашей стране считаются хорошим признаком. Уже около 6 лет, как одна сотрудница, встретив меня в Гербарии, сказала “Вы слышали, что Снигиревская умерла?” Она стала рассказывать, где и когда будет панихида и пр. Я выдержала паузу и сказала ей, что еще жива! А эта ошибка даже гарантирует мне еще несколько лет жизни! <...>.

Ваша Наташа» (письмо от 13 января 2014 г.).

О смерти Н.С. рассуждала, как истинный мудрец, понимающий, что все дискурсы и доказательства здесь бессильны. Значение имеют лишь интуиции и глубокие экзистенциальные переживания.

«Дорогой Игорь, <...>. Побывав дважды в состоянии так называемой клинической смерти, я испытала весьма положительные эмоции и не боюсь смерти и тем более всего непонятного, что нагромождено разными актами, связанными с попытками что-то понять. Мне, как женщине, трудно освоить то, что рождается в мозгах одаренных и жаждущих безграничного понимания жизни со стороны мужчин. Единственно, что я поняла, и это меня привлекло в свое время (а я крестилась в 68 лет) – это бескровная исповедь. <...>

Ваша, Наташа» (письмо от 26 мая 2015 г.).

Проявления Бога в мире Н.С. ощущала в глобальных ритмах Природы:

«Человечеству нельзя <...> менять то, что связано с естественными геологическими про-

цессами, составляющими, вместе с экзогенными влияниями, главную регуляторную функцию гармонии в Природе! Они определяются ритмами, находящимися в ведении “Господа Бога!” Я отождествляю его образ с силой регуляции всех процессов в Солнечной системе (и во всем Мире)!» (17 февраля 2014 г.).

Н.С. мечтала умереть на земле и обязательно в полном сознании – как подобает человеку разумному:

«Я собираюсь на дачу до конца лета, боли в области ребер отошли почти целиком, дает знать о себе сердце, но лучше завершить свой путь на земле и в состоянии здравого рассудка, чем ожидать своего конца в постели!» (письмо от 19.05.2015).

Она ушла, и кажется, что мир стал беднее.

И.А. Игнатьев

Мысленно возвращаясь к началу моих краткосрочных поездок по России, считаю своим приятным долгом посвятить несколько строк советскому палеоботанику, которая больше всех помогала мне, чьи работы я ценю и кто самоотверженно оказывала помощь многим как в своей, так и в других странах – Наташе Снигиревской.

Она родилась в Уфе в Башкирии 9 августа 1932 года и училась в Ленинградском государственном университете в 1950–1955 годах. На следующий год она поступила на работу в Ботанический институт им. В.Л. Комарова; и хотя М.Д. Залесский опередил ее в этом почти на четверть века, она изучала растения из угольных почек и, думается, именно ее следует считать настоящим пионером в этой области советской палеоботаники.

Она написала превосходную статью о листьях плауновидных, очень напоминающую работу, которая была опубликована несколько лет назад американцем Роем Грехэмом. За этим последовало описание гаметофитов у нескольких видов *Achlamidocarpon*. В 1961 и 1962 годах она опубликовала две статьи о *Botryopteris* и затем не-

сколько статей о стробилах *Sphenophyllum*. Она хорошо разбирается в европейских и американских флорах из угольных почек и написала несколько статей о методике исследования и популярно рассказывающих о растениях этих флор.

Когда в 1958 году я посетил Комаровский институт, меня очень тепло приняли многие работавшие там ботаники, но я особенно признателен Наташе Снигиревской за то, что она сделала мой визит и приятным, и полезным. Она прекрасно знает английский, очень интеллигентная женщина и особенно щедро делится своим временем; если бы не последнее обстоятельство и возникшие в последние годы проблемы со здоровьем, список ее трудов мог бы быть значительно длиннее. Я знаю, что она посвятила массу времени подготовке Международного ботанического конгресса 1975 года в Ленинграде. Многие из нас признательны ей за ее гостеприимство. В частности, профессор Т.Л. Филлипс провел некоторое время с ней в Комаровском институте, занимаясь сравнительными исследованиями советских и американских флор из угольных почек...

Г.Н. Эндрюс

(пер. с англ. выполнен по изданию: *Andrews H.N. The fossil hunters. In search of fossil plants. – Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 1980. – P. 366–367*).